

Игорь Орлав

Последняя встреча книжного клуба

КодМЫ

Детектив

Игорь Орлав

**Последняя встреча
книжного клуба**

«Автор»

2026

Орлав И.

Последняя встреча книжного клуба / И. Орлав — «Автор», 2026

После последней встречи сезона исчезает ведущий книжного клуба Леонид Грачёв. В общих книгах остаются даты, цифры и странные пометки. Корректор Нина пытается восстановить его маршрут, но каждая убедительная версия уводит друзей всё дальше от человека, которому нужна помощь. Чтобы найти Леонида, им придётся сверить книжные догадки с фотографиями, старыми описями и тем, что они не захотели услышать друг от друга.

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Короткая ножка	6
2. Не стирать	9
3. Обещание на субботу	11
4. Четыре коробки	13
5. Ящик с перегородками	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Игорь Орлав

Последняя встреча книжного клуба

Это художественное произведение. Герои, события, организации и книги, которые обсуждают участники клуба, вымышлены; возможные совпадения случайны.

1. Короткая ножка

Нина подложила под ножку стула сложенный чек, и стул перестал качаться. Теперь качалась настольная лампа: её провод проходил как раз там, куда Леонид Грачёв привык ставить каблук.

— Придётся выбрать, — сказала она. — Либо устойчивый ведущий, либо устойчивое освещение.

Леонид приподнял ногу. Вера, не оборачиваясь от чайника, подтянула провод к стене. Этот маленький обряд они совершали почти каждую пятницу и всякий раз находили новое временное решение. Купить удлинитель подлиннее никто почему-то не догадался.

В переплётной мастерской пахло картоном, яблоками и чуть подгоревшей пылью: утром включили отопление. За окном сгустился октябрьский вечер. Стулья стояли кругом, но возле Леонидова оставался низкий стол, на котором помещались книги, чашка и жестяная коробка с карандашами. Самому старому члену клуба, Зое Рудиной, столик полагался бы скорее, однако она любила держать чашку двумя руками. Так, говорила Зоя, никто не велит ей что-нибудь записать.

Нина достала «Дом с проходным двором». На работе она вычитывала текст на коробках с крупами и бытовой техникой, дома правила чужие воспоминания, а здесь имела законное право читать медленно и без оплаты. Всё равно принесла красный карандаш.

— Прячьте, — предупредил Антон. — У нас сегодня прощание, а не переэкзаменовка.

— С сезоном, — уточнила Вера.

Она произнесла это, ставя на стол яблочный пирог. За три года встреч Вера ни разу не употребила слова «заккрытие». В декабре она собиралась отремонтировать мастерскую; ближайшие шесть недель Леонид обещал посвятить каталогу подаренных книг. Потом они должны были снова собраться здесь, у шкафа с потемневшей стеклянной дверцей.

Дарья опоздала на восемь минут. Сняла мокрый капюшон, прижала к щеке короткие чёрные волосы и поставила сумку с камерой на пол между ногами. У неё было узкое, подвижное лицо и привычка смотреть не на того, кто говорит, а на слушателей.

— Можно общий снимок? Последний в сезоне.

Леонид уже поднялся, но Глеб Власов оставил ладонь на спинке своего стула.

— После чая. У меня сейчас лицо человека, который ищет парковку.

Глебу было сорок шесть, и рубашки он носил так, словно их только что сняли с плечиков. Сегодня левый рукав был закатан выше правого. На отвороте рукава белела полоска штурманской пыли. Его склады и мастерские занимали часть старой прачечной на Северной; отсюда он привозил то полки, то ненужный, но исправный обогреватель. Клубные стулья тоже были его подарком. Разные, зато целых семь.

— Поставил у арки? — спросила Зоя.

— За углом. Большая машина мешает.

— Опять дверь белая?

— Всё некогда покрасить.

Разговор оборвался, потому что Леонид открыл книгу. Обычно он сперва узнавал, кто дочитал, и объявлял, что признавшимся в недочтении сегодня ничего не будет. Угроза была шуточная, но Нина заметила: Дарья, одолевшая только половину, всегда принималась объяснять почему.

На этот раз он спросил другое:

— Помните нашу июньскую встречу? Когда текло с потолка.

— После неё у вашего чайника появилась подставка из двух романов, — сказала Вера. — Помню.

— Четырнадцатого июня. Мы читали этот же «Дом». Когда начался дождь? Антон немедленно потянулся к последним страницам.

— В книге или у нас?

— У нас.

— После восьми, — сказала Зоя. — Я тогда Глебу свой зонт дала.

Глеб посмотрел на неё поверх чашки.

— Ливень начался раньше. Мы коробки выносили уже под дождём.

— Вы потом выносили. Я про начало говорю.

Леонид что-то записал на свободном месте рядом с номером главы. Нина разглядела римскую шестёрку и знак, похожий на тройку. Писал он мягким простым карандашом, держа его почти у самого грифеля; на полях получались маленькие чёрные запятые.

— Мы здесь роман обсуждаем или осадки? — спросил Глеб.

— Роман. Хотя иногда полезно вспомнить и осадки.

Улыбка Леонида была привычной: он разрешал себе отступить от темы, а остальным предлагал потерпеть. Нина ответила ему улыбкой. Ей нравилось, что здесь кто-то удерживает разговор. Весь день она сама удерживала чужие предложения от распада.

В романе женщина по имени Лида возвращалась в дом своего детства и находила закрытым сквозной двор, через который прежде ходили к реке. Она искала человека с ключом, хотя могла бы за десять минут обойти квартал. Антон считал, что Лида возвращается не к реке, а к возможности выбирать путь. Вера сказала, что десять минут с больными ногами — это иногда совсем другой сюжет. Нина возразила: о ногах автор ничего не написал.

— Автор и о том, где она покупала хлеб, не написал, — заметила Зоя. — Но есть ей всё-таки надо.

Дарья рассмеялась и подвинула ей блюдо. Зоя всегда начинала с того, чего в книге не было: кто за кем убирал, кто ждал у двери, кому досталась мокрая одежда. Она слушала романы в наушниках, пока шила покрывала для многочисленных родственников, и могла забыть фамилию персонажа, зато помнила, что у него в субботу не было возможности попасть в нужную контору.

Глеб читал по двадцать страниц перед сном. В книгах его занимали договорённости: сколько человек обещал, что получил, почему пошёл на невыгодный обмен. Леонид иногда называл это хозяйственным прочтением. Глеб не обижался, хотя однажды спросил, разве автору за роман заплатили чувствами.

— Лида не хочет ничего выбирать, — сказал он сейчас. — Она хочет, чтобы дверь открыли именно перед ней. Обойти можно. Попросить другого можно. Но ей нужно прежнее право.

Леонид поднял голову. Несколько секунд никто не говорил, и Нине стало досадно: замечание было точным, а она сама пропустила это, разглядывая тире.

— Хорошо, — сказал ведущий. — Вот это стоит обсудить.

Зоя попросила книгу. Ей хотелось прочесть вслух разговор у запертых ворот, но очки опять куда-то делись. Нина нашла их на подоконнике, рядом с часами, и протянула. Зоя поблагодарила, полистала страницы, затем попросила помочь с местом: в записи, которую она слушала, глав не объявляли.

— Там мужчина сначала обещает прийти, а потом выясняется, что он живёт в другом городе, — сказала она.

Антон назвал страницу. Нина открыла и увидела совсем другую сцену.

— Не эту. Ещё там кастрюля.

— У нас художественный текст, — сказал Леонид. — Можно без инвентаризации кухни? Все улыбнулись, кроме Зои. Она сняла очки.

— Можно. Только я по кастрюле помню.

Глеб забрал книгу у Нины, отыскал нужный разворот и подвинул Зое. Кастрюля стояла на плите, пока герой говорил по телефону; обещая приехать, он придерживал крышку, чтобы не стучала.

— Вот, — сказала Зоя. — Он не собирается уходить. У него на огне суп. А голос такой, будто уже куртку надевает.

Леонид наклонился посмотреть.

— Мы не знаем, кто ещё есть в квартире. Суп можно оставить.

— Можно. Я говорю, как слышала. Чтец там ещё паузу сделал перед «сейчас».

Они попросили включить. Зоя нашла нужное место в записи, но телефон сперва заговорил слишком быстро: она привыкла чуть ускорять чтение, когда шила простые швы. Герой затараторил так, что уже никто не мог поверить ни одному его обещанию. Зоя поспешно убрала скорость, Глеб рассмеялся, а Вера сказала, что с таким человеком она бы вообще не стала жить: он даже суп не даёт дослушать.

В обычном темпе эпизод оказался другим. Мужчина отвечал устало, не торопясь, и перед обещанием действительно задержался. Нина прочитала абзац глазами и поняла, что сама ни разу не останавливалась в этом месте.

— Теперь я уже слышу голос даже на бумаге, — сказала Дарья. — Вернуть как было можно?

— Можно сменить чтеца, — ответила Зоя. — Я иногда так и делаю.

Леонид попросил включить ещё раз. На втором прослушивании он перестал разглядывать страницу. Держал чашку над коленом, смотрел куда-то в середину круга. Когда запись закончилась, не сразу заговорил.

— Да, он не хочет приезжать, — сказал наконец. — Во всяком случае, этот голос не хочет.

Зоя оставила очки на подоконнике: собиралась потом убрать в футляр и забыла. Нина видела это движение, но сама не запомнила его до следующего утра.

Пока спорили о голосах, у Глеба дважды зажёгся телефон. Он перевернул его экраном вниз, а после второго звонка всё-таки вышел в коридор. Дверь не закрылась до конца.

— Не могу сейчас, — слышала Нина. — Я срок назвал. Другого у меня нет.

Вернувшись, он долго размешивал пустую чашку. Вера спросила, всё ли в порядке с заказом на стеллажи.

— Заказчик передумал. Дерево уже куплено, люди работали. Бывает.

— Я могу пока обойтись без новых полок.

— Твои полки тут ни при чём.

Он сказал это слишком резко, потом сам подвинул к ней сахарницу, хотя она пила чай без сахара.

— Извини. Не хочу весь вечер о работе. Давайте лучше про чужую кастрюлю.

Они спорили до тех пор, пока Вера не обнаружила, что пирог почти исчез. Антон изобразил, как героиня обходит квартал и тем самым лишает автора последних семидесяти страниц. Леонид смеялся, откинувшись к шкафу; его длинное лицо с глубокими складками у рта сразу сделалось моложе. Дарья всё-таки сняла круг стульев, не прося никого выпрямиться.

Позже Нина много раз возвращалась к этому снимку. На нём ещё не было пропавшего человека, подозреваемого, ненадёжного свидетеля. Семеро людей просто провели вместе хороший вечер. Леонид держал над тарелкой крошку пирога. Глеб смотрел не в объектив, а на лежавшую возле него раскрытую книгу.

2. Не стирать

Без четверти восемь Леонид попросил принести остальные книги сезона.

Они читали пять: «Сторожа воды», «Дом с проходным двором», короткую повесть «Ночной трамвай», «Переправу по четвергам» и сборник «Люди у окна». Экземпляры были общие, купленные Верой на развалах или принесённые из дома. Их брали по очереди. От этого сроки постоянно сдвигались, и обсуждение одного романа могло протянуться через целый месяц.

Нина любила порядок в электронной читалке, но к этим бумажным книгам привязалась. В «Переправе» лежал высохший лист, давно превратившийся в прозрачную сеть прожилок. На семнадцатой странице «Людей у окна» кто-то обвёл зелёным карандашом мухоподобную опечатку. «Сторож воды» открывался сам, на рисунке башни, который Антон сделал, когда объяснял план заключительной сцены.

— На выставку? — спросила Дарья.

— Хочу восстановить наш сезон. Где и что обсуждали. Для вступления к каталогу.

— Только не делайте из нас литературный салон, — сказала Вера. — У нас тут иногда сушили варежки.

— Это я оставляю.

Он раскрыл «Дом» и поискал что-то на полях. Глеб потянулся за последним куском пирога, хотя до этого отодвинул тарелку.

Каталог предназначался для коллекции Любви Ремезовой. В мае она передала мастерской книги своего мужа: старые путевые альбомы, городские очерки, небольшие сборники с дарственными надписями. Их должны были описать, выставить в витрине, а затем продать на открытом вечере. Деньги шли на ремонт этой комнаты, чтобы зимой в ней не приходилось сидеть в пальто. Леонид вызвался составить каталог, Глеб — обеспечить перевозку и хранение, Дарья — сделать снимки. До сих пор это было самым большим общим делом клуба.

Четырнадцатого июня в соседней комнате прорвало трубу. Потолок промок, книги пришлось срочно увозить. Глеб забрал их в сухое помещение и в сентябре вернул четыре коробки. Нина помнила, как Леонид расписался на капоте фургона, а Зоя в это время придерживала дверь подъезда ногой. Вечер был тёплый, и все радовались, что теперь смогут закончить начатое.

— В каталоге мой снимок будет? — спросила Дарья.

— Который?

— С ящиком. Майский. Вы обещали поставить первым.

— Мне нужно посмотреть исходный файл.

— Я вам пересылала.

— Тот, который до обработки.

Дарья наклонилась к сумке. Не достала оттуда ничего, только застегнула молнию.

— Дома найду.

— Сегодня сможешь?

— Сегодня я ещё работаю.

Глеб поднялся убирать чашки. Проходя мимо Леонида, он задел стол бедром; карандаш упал и закатился под шкаф. Нина достала его линейкой, которую Вера держала возле переплётного пресса. Грифель сломался.

— Возьми мой, — сказала она.

Леонид покачал головой, вытащил маленький складной нож и неторопливо начал чинить карандаш над салфеткой. Прежде Нина не замечала, насколько тщательно он выбирает для этой работы угол света.

— А что было до обработки? — спросила она Дарью.

— Всё то же. Просто свет плохой.

Ответ прозвучал резче, чем требовал вопрос. Нина решила, что девушка устала: последние недели она фотографировала квартиры для аренды, и половину заработка у неё отнимали поездки.

В восемь Леонид не предложил следующую книгу. Он обвёл глазами круг и сказал:

— Если в ноябре всё затянется, начинайте без меня.

— Кто нас будет останавливать? — спросил Антон.

— Вы друг друга. Полезное умение.

Это тоже приняли за шутку. Только Вера долго смотрела на ведущего, вытирая чистую чашку.

Когда все стали собираться, Леонид вынул из «Ночного трамвая» два сложенных листа и убрал во внутренний карман плаща. Книги сложил в стопку на низком столе. Сверху положил «Дом».

— До завтра здесь оставляю. Не стирайте ничего, пожалуйста.

Он сказал это Нине, и она показала ладони, будто её застигли с ластиком.

— Я чужие поля не редактирую.

— Знаю.

У двери Глеб подождал, пока Вера вынесет на кухню чайник, и негромко заговорил с Леонидом. Нина различила только:

— Сначала посмотрим. Без публики.

— Я и так слишком долго смотрел без публики, — ответил Леонид.

Затем Глеб заметил Нину и спросил, не подвести ли её. Она отказалась: дом был в двух кварталах. Леонид ушёл раньше остальных, застёгивая серый плащ на ходу. Красная матерчатая сумка для книг висела у него через плечо, непривычно плоская.

На улице дождя уже не было. Нина задержалась у цветочного магазина, чтобы поправить стельку в туфле, и увидела ведущего в копировальной мастерской напротив. Он стоял спиной к окну. Девушка за стойкой разравнивала белый лист, придерживая угол ладонью.

Нина собиралась помахать, но Леонид уже наклонился над копией. В этом движении было столько сосредоточенности, что она прошла мимо. Решила, что он торопится закончить каталог и утром будет недоволен любой помехой.

Дома она разогрела суп, поставила возле тарелки читалку с открытым «Домом с проходным двором» и перечитала ту часть, о которой говорил Глеб. Он оказался прав. Героиня действительно не искала короткую дорогу — она требовала, чтобы мир подтвердил её прежнее место.

В двадцать два тринадцать в клубном чате появился текст от Леонида:

«Я решил сделать паузу. До понедельника меня не будет. Книги не трогайте. Не ищите смыслов».

Антон послал изображение водяной башни с маленьким человечком в окне. Зоя написала: «Хорошего отдыха». Вера спросила про ключи. Ответа не последовало.

Нина несколько раз набрала фразу о том, что прочитала сцену заново, и стёрла. До понедельника, так до понедельника. Редактор тоже имеет право не отвечать.

3. Обещание на субботу

Утром Нину разбудил телефон, ползущий по деревянной тумбочке. Звонила Алла, сестра Леонида. Они виделись дважды; её номер сохранился после зимнего ремонта, когда Леонид забыл у Нины сумку с инструментами.

— Он у вас?

Нина ещё не открыла глаза и сперва подумала об инструментах.

— Кто?

— Лёня. Мы у школы. Он должен был прийти к одиннадцати. У Миши показ спектакля. За словами слышался детский гул и хлопанье тяжёлой двери.

— Он написал, что уехал.

— Куда?

— Не сказал.

Алла помолчала.

— Пришлите, пожалуйста.

Нина села. За окном давно рассвело: часы показывали уже одиннадцать двадцать. Она переслала сообщение и немедленно почувствовала, как глупо выглядит утешение, которое сама приготовила: наверное, просто забыл.

Леонид племянника не забывал. Он мог на три недели задержать правку каталога, перепутать день собственного приёма у мастера, но школьные выступления Миши заносил в бумажный календарь. В прошлую пятницу полвечера выбирал слово для мальчика, которому предстояло играть сторожа в кукольном театре. Не «сторожить», говорил он, а «беречь» — от этого меняется вся роль.

Алла перезвонила через две минуты.

— Дома его нет. Я сейчас соседа попросила позвонить в дверь. Телефон выключен. Нина, это на него не похоже.

Нина переоделась, сунула в сумку блокнот и вышла, не допив чай.

В мастерской были только Вера и Зоя. Вера приняла звонок Аллы, когда ставила тесто; теперь белая мука лежала на чёрной телефонной трубке. Зоя пришла за очками, оставленными на подоконнике ещё вчера. Она сидела на своём месте в пальто.

— Я его видела у шестого автобуса, — сказала она, едва Нина вошла.

— Когда?

— Вчера. После клуба. Я вернулась за очками, но вы уже закрыли.

Вера поставила перед ней блюдо, хотя чая ещё не было.

— Вы мне звонили?

— Телефон в другой сумке. Я решила, до утра переживу. Пошла к Рынку, там его и увидела.

— Он сел в автобус?

— Сел. Я подумала, что он к Алле. У неё раньше квартира на той стороне была.

— Давно раньше, — сказала Вера.

— Знаю. Потому и удивилась.

Нина записала: «Зоя — остановка Рынок». Потом обвела «б» кружком. Ей понадобилось простое, завершённое действие; рука сделала его раньше, чем голова поняла зачем.

Алла сообщила, что идёт заявлять об исчезновении. Она не спрашивала, достаточно ли прошло времени. Нина сказала, что будет на связи, и отправила ей вчерашний снимок Дарьи: на нём хорошо видно лицо; отдельно описала серый плащ и красную сумку.

К половине первого пришёл Антон. Принёс «Сторожа воды» в другом издании: вытащил его с полки после вчерашнего сообщения, перелистал и, уходя, машинально сунул в рюкзак. Дарья приехала прямо со съёмки. Глеб написал, что занят на складе и освободится через час.

Нина рассказала всем известное. Зоя попыталась добавить подробность про автобус, но Антон уже наклонился над книгами.

— Он просил не стирать пометки?

— Просил.

— А потом написал не трогать книги. Может, это и есть объяснение.

На форзаце «Сторожа воды» стояло «17—40». В заключительной главе, возле нарисованной Антоном башни, кто-то отметил слово «убежище». В «Доме» нашлась свежая запись: «14/VI. Три, не четыре. З.» Чуть ниже был нарисован зелёный угол. Нине он показался стрелкой, направленной за край страницы. В «Ночном трамвае» — «сверить с Р.», а на последней странице «Переправы» Вера увидела собственное слово «сушка» и цифру два.

— Он во всех книгах что-то оставил, — сказал Антон.

— Не во всех он, — возразила Вера.

Но Нина уже почувствовала облегчение. Перед ними были буквы, числа, знаки; с ними можно работать. Это было понятнее, чем пустой телефон и женщина, которая стоит у школьной двери, стараясь не испугать сына.

Она разложила книги в порядке чтения. Антон сразу переставил две места: «Ночной трамвай» обсуждали позже «Переправы», из-за июньской протечки. Они поспорили и нашли в чате старое сообщение Веры с фотографией вёдер. Победил Антон.

Дарья открыла на телефоне снимок вчерашней встречи. Увеличила лицо Леонида. Нине захотелось запретить: нельзя искать страх в лице человека, который жуёт пирог. Но она сама рассматривала его слишком долго.

— Что с ним было вчера? — спросила Вера.

— Он устал, — сказал Антон.

— Мы не знаем, — ответила Нина.

Ей понравилось, как прозвучали эти три слова. Трезво, без лишней драмы. Она написала их наверху страницы и подчеркнула.

Зоя застегнула пальто.

— Мне надо забрать внука в два. Я могу до того показать остановку.

— Мы знаем, где Рынок, — мягко сказала Нина. — Сейчас главное — понять, куда он собирался.

Зоя посмотрела на обведённую шестёрку в её блокноте.

— Да. Куда собирался.

Вскоре Нине позвонила сотрудница полиции Елена Миронова. Голос был спокойный, уставший, вопросы — простые: кто последним видел, что было с собой, какие планы на день. Нина отвечала, сверяясь с записями. Про пометки рассказала в конце.

— Сохраните книги и переписку. Пока ничего из них не следует. Есть люди, к которым он мог пойти после встречи?

Нина посмотрела на круг стульев.

— Наверное, кто-нибудь из нас.

После разговора она долго не могла вспомнить, зачем поставила слово «наверное».

4. Четыре коробки

Глеб пришёл без куртки, в тёмной рубашке со вчерашней полоской пыли на левом рукаве. Принёс бумажный пакет с горячими лепёшками и сразу спросил, ел ли кто-нибудь. От этого вопроса Нине вдруг стало стыдно: Алла искала брата, а они сидели среди книг и действительно хотели есть.

— Я говорил с ним вчера, — сказал Глеб. — Про каталог.

— У двери?

— Да. Он нашёл какую-то путаницу в списках. Я предложил спокойно разобраться.

— Когда?

— На следующей неделе. Теперь уж не знаю.

Он выложил лепёшки на доску. Вера принесла нож, но резать не стала.

— Что за путаница? — спросила она.

Глеб пожал плечами.

— Названия не сходятся. Любовь Павловна отдавала книги в два приёма, потом добавляла, потом передумывала. Я возил коробки. Содержимым заведовал Леонид.

Дарья выпрямилась.

— Она ничего не забирала обратно.

— Может быть. Я же сказал, не я составлял опись.

Нина попросила его вспомнить весь вчерашний разговор. Глеб рассказал, что Леонид устал, что боится сорвать обещанный вечер, что перечитывает «Сторожа воды» и давно хочет выбраться из города. Последнее он произнёс, глядя на лежащую перед Антоном книгу.

— Именно из города? — уточнила Нина.

— Из этого шума. Как он выразился. Не записывал, Нин.

Зоя убрала чашку подальше от пакета.

— К Северной шестой идёт без пересадок.

— Шестой куда только не идёт, — сказал Глеб. — До вокзала тоже. Он мог дальше уехать.

Это было верно: возле вокзала маршрут заворачивал к промзоне. Зоя открыла рот, потом посмотрела на часы.

— Мне надо за внуком. Если что, звоните.

Она ушла с очками в руке. Нина успела поблагодарить её, но не предложила проводить.

Вера вынула из ящика папку, куда складывала всё, что имело отношение к подаренной коллекции. Большая часть листов была распечатана Глебом на его складе: объявления, перечень коробок, схема будущей выставки. Между ними лежал сентябрьский лист с подписью Леонида. Нина прочитала: «Принято четыре места, пятьдесят шесть книг, согласно приложенной описи».

— Приложенная где?

Вера развела листы на столе. Опись нашлась под эскизом новых подоконников. Машинописная, в две колонки, без помарок. Нина сразу отметила, что на первой странице заголовок набран одним шрифтом, а на второй чуть другим. Само по себе это ничего не значило: могли допечатывать в другом месте.

— А первоначальная?

— У Любви Павловны, — сказала Дарья. — Писала от руки. Я фотографировала.

— Покажи.

— На телефоне нет. Это всё на компьютере.

Она говорила всё тише. Глеб отломил кусок лепёшки и завернул остальное обратно.

— Получается, у каждого чего-нибудь нет, а отвечать за всё должен я.

— Пока ищем Леонида, — сказала Вера.

— Так я про то же.

Нина посмотрела на него внимательнее. Он не выглядел сердитым. Скорее обиженным человеком, которому уже начали предъявлять счёт за помощь. Она прекрасно знала такое выражение: у заказчиков оно появлялось, когда исправление их ошибки требовало нового тиража.

— Ты можешь показать свои экземпляры? — спросила она.

— Могу. Только на Северную сейчас не надо. Там разгружаются. Вечером пришлю фотографии.

Слово «разгружаются» заставило Веру невольно поднять глаза на потолок, словно грузчики работали этажом выше.

Глеб пообещал позвонить знакомым, которым Леонид правил тексты, и ушёл. На столе остался запах тёплого хлеба. Антон наконец взял кусок, но остановился с ним в руке.

— Он ведь правда говорил про башню. В апреле. Что там можно прожить неделю, пока никто не хватится.

Нина вспомнила ту встречу. «Сторож воды» оказался книгой о человеке, который поселился в старой водокачке, чтобы закончить чужие письма. Антон утверждал, что автор списал место с западного края их города. Леонид слушал его с большим интересом. В конце сказал что-то про зависть к герою.

— Неделю или сутки? — спросила Вера.

— Какая разница?

— Ты говоришь, что помнишь.

Антон отложил хлеб.

— Сутки. Наверное, сутки.

Из-за двери мастерской послышался звонок. Пришёл заказчик за семейным альбомом, и Вере пришлось натянуть обычную рабочую улыбку. Она долго искала в журнале номер, хотя альбом лежал прямо перед ней. Нина впервые за день подумала, что тревога не отменяет работы. Вечером здесь ещё надо будет подмести и выключить свет.

Она предложила сходить к Любове Ремезовой. Дарья согласилась слишком быстро. Антон остался искать записи о водокачке и обещал не делать выводов до их возвращения.

На улице Нина спросила девушку:

— Ты на что сердишься?

— Я не сержусь.

— Тогда чего боишься?

Дарья остановилась перед переходом. Зелёный свет уже загорелся, но она не двинулась.

— Вы иногда задаёте вопрос так, что у человека остаётся только выбрать одну вашу версию.

Нина хотела возразить. Не возразила и тут же сочла это доказательством собственной способности слушать.

5. Ящик с перегородками

Любовь Павловна открыла дверь в фартуке, который был ей велик. На кухне сохли чистые банки. Между двумя рядами банок стоял портрет её мужа, узколицего человека с выражением терпеливого недоумения.

— Лёню нашли? — спросила она.

Дарья покачала головой. Об исчезновении она уже предупредила тётку, пока они шли от мастерской.

— Тогда садитесь. Стоя вы быстрее не сообразите.

Нина ждала рассеянной пожилой дарительницы, которой легко запутаться в собственных решениях. Вместо этого Любовь Павловна принесла тонкую тетрадь и открыла её на странице, заложенной магазинной квитанцией. Почерк был крупный, вертикальный. Напротив каждого названия стояла цифра. Последняя строка: «Всего пятьдесят шесть».

— В два приёма вы отдавали? — спросила Нина.

— В один. Двадцать четвёртого мая. Добавила только письмо, его привезла отдельно. Муж писал, как собирал альбомы.

— А забирали потом что-нибудь?

Любовь Павловна посмотрела на Дарью.

— Зачем бы я забирала? Я решила и отдала. До этого три года решала.

На первой странице были перечислены восемь больших путевых альбомов художника Аркадия Сомина. Нина прежде листала один: серо-синие виды маленьких станций, речные берега, карандашные наброски чайников и лодок. Названия остальных помнила плохо. Каждый альбом хранился в отдельном отделении деревянного ящика, который муж Любви Павловны сделал сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.